

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

*повествующая о том, как Чжу Ба-цзе, сохраняя верность, привел в воз-
буждение Царя обезьян и как Сунь У-кун мудростью покорил духа*

Верность долгу,
Глубокое чувство
В душе пробудила;
Так в учении Будды
Таится
Великая сила
Всем явлениям
Самую сущность
Она возвращает,
Цзинь и Му * —
Элементы стихий, —
Усмиряет,
Сочетает.
И бессмертье готовят
Былые источники страсти,
Чтобы вместе
Вошли мы
В миры
Бесконечного счастья
Так к ученью буддизма,
К вратам его
Мы приступаем;
Сутра —
Путь совершенства,
Который отныне
Мы знаем.
Будда
Этим путем
Посылает
Свой дух первородный.
Братья —
Старший и младший —
Встречаются
В дружбе свободной.
От пяти элементов
Все демоны

Форму приемлют.
Шесть разрядов существ
Уничтожив,
В Далэйиньскую землю,
Устремились монахи,
Благочестьем к святыне влекомы,
Поклониться во храме
Раскатов великого грома.

Итак, обезьяны толпой с шумом налетели на Дурня, стали тащить его и в конце концов порвали ему халат,

— Ну, теперь все, — бормотал, читая про себя псалмы, Чжу Ба-цзе. — На этот раз они меня прикончат.

Обезьяны притащили Чжу Ба-цзе к пещере. Великий Мудрец сидел на крутой скале над обрывом.

— Ах ты грязная тварь, — стал он ругать Чжу Ба-цзе. — Ну, ушел ты от нас — и дело с концом, зачем же было оскорблять меня?

— Дорогой брат, — отвечал Чжу Ба-цзе, опустившись перед Сунь У-куном на колени. — Разве осмелился бы я ругать тебя! Да я откусил бы себе язык, если бы поступил подобным образом. Я говорил лишь, что ты не хочешь идти со мной и придется мне возвращаться одному и доложить об этом учителю. Тогда уж пусть он поступает, как хочет.

— Разве можно обмануть меня? — сказал тут Сунь У-кун. — Ведь сам подумай, стоит мне взять себя за левое ухо, и я все могу услышать, даже то, что говорят в обители Будды, если же я потяну книзу свое правое ухо, то могу услышать, как сам князь ада Янь-ван сводит в преисподней счета со своими судьями смерти. Как же ты мог подумать, что я не слышу твоих оскорблений?

— Дорогой брат, — сказал на это Чжу Ба-цзе, — ведь я знаю твой коварный характер, не иначе как ты опять изменил свой облик и следовал за мной, чтобы подслушивать.

— Ну-ка, ребята! — крикнул тут Сунь У-кун. — Принесите мне дубинку, да побольше! Для начала всыпьте ему двадцать ударов спереди. Затем разукрасьте его спину еще двадцатью ударами. А потом я еще на прощанье угощу его своим посохом.

— Дорогой брат, — взмолился перепуганный Чжу Ба-цзе, повалившись на колени и непрерывно отбивая поклоны, — умоляю тебя, пощади меня ради нашего учителя.

— О каком это учителе ты вспомнил, любящий милосердие и долг сын мой? — сказал на это Сунь У-кун.

— Дорогой брат, — продолжал молить Чжу Ба-цзе, — если тебе не жаль учителя, то сделай это хотя бы ради бодисатвы.

Услышав имя бодисатвы, Сунь У-кун заколебался.

— Ну, вот что, брат, — сказал он, — я пока бить тебя не буду. Но смотри, говори всю правду и не вздумай меня обманывать. С Танским монахом случилось какое-то несчастье, а ты пришел сюда морочить мне голову. Не так ли?

— Да говорю же тебе, что ничего не произошло, — продолжал твердить Чжу Ба-цзе. — Он действительно по тебе сощурился.

— Ты что же это, негодай, хочешь, чтобы тебя действительно побили! — вскипел Сунь У-кун. — Зачем ты водишь меня за нос! Вернувшись в пещеру Водного занавеса, я ни на минуту не забывал о нашем учителе, так как знал, что на каждом шагу его поджидают бедствия и несчастья. Так вот, если не хочешь быть битым, говори скорее, что случилось.

— Дорогой брат, — взмолился Чжу Ба-цзе, отбивая поклоны. — Я действительно хотел обмануть тебя. Мне и в голову не приходило, что ты обладаешь такой прозорливостью. Пощади меня, разреши мне встать, и я все расскажу тебе.

— Ну ладно, вставай и рассказывай! — приказал Сунь У-кун.

Обезьяны отпустили Дурня. Он тотчас же вскочил на ноги и стал дико озираться по сторонам.

— Ты что высматриваешь? — спросил его Сунь У-кун.

— Смотрю, где дорога пошире, чтобы удобнее было бежать.

— Куда же ты думаешь бежать? — спросил Сунь У-кун. — Ты можешь тронуться в путь на три дня раньше меня, и все же я догоню тебя. Говори же скорее, — приказал он. — И смотри, если еще раз рассердишь меня, пощады не будет.

— Теперь я скажу тебе всю правду, — отвечал Чжу Ба-цзе. — После того как ты ушел от нас, мы вдвоем с Ша-сэном остались охранять учителя. Мы шли, шли и вот очутились у густого соснового леса. Учитель спешился и послал меня собирать подаяние. Я долго шел, но так никого и не встретил. Сильно утомившись, я прилег в траву и уснул. Кто мог подумать, что и Ша-сэн уйдет от учителя? Оказалось, что он отправился разыскивать меня. Ну, а ты знаешь, что учитель не может спокойно сидеть на месте. Оставшись один, он пошел прогуляться и, выйдя из лесу, увидел золотую пагоду, от которой исходило сияние. Он принял пагоду за монастырь. Но оказалось, что там живет дух по прозвищу Желтый халат. Вот он и схватил нашего учителя. Когда же мы с Ша-сэном отправились на поиски, то нашли только коня и вещи, а учителя нигде не было. Тогда мы ринулись к обиталищу духа и вступили с ним в бой. Однако на наше счастье учитель повстречал свою спасительницу. Это была принцесса — третья дочь правителя страны Баосянго, которую также похитил дух. Она написала домой письмо и поручила нашему учителю отвезти его к отцу. А в благодарность за это уговорила духа освободить учителя. И вот, когда мы прибыли в главный город страны Баосянго и учитель передал письмо, правитель стал просить его усмирить духа и вернуть ему дочь. Ну, а ты, брат, сам знаешь, как наш учитель усмиряет духов. В общем, пришлось нам с Ша-сэном снова вступать с ним в бой. Однако оказалось, что дух

обладает огромной волшебной силой, поэтому ему и удалось захватить Ша-сэна. Потерпев поражение, я отступил и укрылся в траве. А дух тем временем, превратившись в статного, благородного человека, проник во дворец и заявил, что пришел познакомиться со своей родней. Пустив в ход свои чары, он превратил нашего учителя в полосатого тигра. И лишь благодаря случайности конь-дракон услышал об этом. Приняв своей настоящий вид, дракон ночью отправился на поиски учителя. Однако учителя он не нашел, зато встретил духа, который сидел в зале Серебряного спокойствия и распивал вино. Превратившись в придворную девушку, дракон подносил духу вино чашу за чашей, а затем стал исполнять танец с мечом и хотел зарубить духа, но тот успел увернуться, схватил фонарь и ранил дракона в ногу. А сейчас дракон послал меня за тобой. Он говорит, что ты благороден и справедлив, не станешь вспоминать старых обид и, конечно, не откажешься прийти на помощь учителю. Умоляю тебя, брат, вспомнить пословицу: «Кто хоть один день был моим учителем, тот всю жизнь будет моим отцом», и выручить нашего учителя из беды.

— Ах ты Дурень этакий! — выслушав его, сказал Сунь У-кун. — Ведь, уходя, я несколько раз наказывал тебе: если какой-нибудь дух захватит учителя, скажи ему, что у учителя есть старший ученик по имени Сунь У-кун. Почему же ты не сделал этого?

Чжу Ба-цзе подумал: «Лучше уж рассердить полководца, нежели просить его. Так я и сделаю!»

— Дорогой брат, — сказал он, — не следовало мне упоминать твоего имени. Услышав его, дух пришел в ярость.

— Что-то я не совсем понимаю, — сказал Сунь У-кун.

— Сейчас объясню, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Я сказал духу, чтобы он не безобразничал и не вздумал причинить какого-нибудь вреда учителю, не то придет наш старший брат Сунь У-кун, обладающий огромной волшебной силой, и расправится с ним. Выслушав все это, дух еще больше рассвирепел. «Какой там еще Сунь У-кун! — заорал он. — Очень я боюсь его! Пусть только посмеет показаться здесь: я шкуру с него сдеру, все жилы вытяну, кости разгрызу, а сердце съем. Правда, худосочен он, как всякая обезьяна, но все равно, я изрублю его и поджарю».

Услышав это, Сунь У-кун от ярости стал дергать себя за уши, тереть щеки и подпрыгивать.

— Значит, этот негодяй осмелился ругать меня! — закричал он.

— Конечно, Желтый халат действительно ругал тебя. И я счел своим долгом рассказать это тебе. Но ты успокойся, дорогой брат, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Почтенный мой брат, — отвечал Сунь У-кун, — встань! Я, честно говоря, не хочу идти, но раз этот дух позволил себе

так оскорбить меня, я должен усмирить его и отправлюсь вместе с тобой. Пятьсот лет тому назад я учинил дебош в небесном дворце, и с тех пор все небесные полководцы, завидев меня, низко кланяются и величают меня не иначе как Великим Мудрецом. А это чудовище посмело так оскорбить меня! Ну, ничего, сейчас я поймаю его и искромсаю на мелкие кусочки. Пусть знает, как ругать меня, а потом снова вернусь домой.

— Совершенно правильно, дорогой брат, — поддакнул Чжу Ба-цзе. — Ты только поймай этого духа и отомсти за нанесенное тебе оскорбление. А вернешься ты после этого или нет, это уж твое дело.

Тут Великий Мудрец соскочил со скалы и ринулся в пещеру. Он сбросил одеяние волшебника, оправил на себе шелковый халат, надел кафтан из тигровой шкуры, взял в руки железный посох и вышел. Испуганные обезьяны обступили его.

— Отец наш, Великий Мудрец, — запричитали они. — Куда же ты уходишь, привел бы с нами хоть еще несколько лет и дал бы нам возможность пожить в свое удовольствие.

— Что же это вы, дети мои, говорите! — воскликнул Сунь У-кун. — Я ведь должен охранять Танского монаха и являюсь его учеником, об этом знают все и на небе, и на земле. Ведь он не прогнал меня, а отпустил домой проведать вас и пожить с вами некоторое время. Но сейчас, раз уж так получилось, я должен покинуть вас; будьте осторожны, с усердием ведите хозяйство, вовремя сажайте ивы и сосны и следите за порядком. Ждите меня, я буду сопровождать Танского монаха в его поездке за священными книгами, затем доставлю его в Китай и после этого вернусь к вам. Вот тогда-то мы вместе будем наслаждаться дарами природы.

Обезьянам не оставалось ничего другого, как примириться. А Великий Мудрец, покинув свои владения, вместе с Чжу Ба-цзе взобрался на облако, и они отправились в путь. После того как они миновали Восточное море и достигли Западного, Сунь У-кун вдруг остановил свое облако.

— Ты потихоньку продвигайся дальше, а я спущусь вниз очищу свое тело, — сказал он Чжу Ба-цзе.

— Надо торопиться! — отвечал на это Чжу Ба-цзе. — А ты выдумал еще какое-то очищение тела!

— Где уж тебе понять это? — сказал Сунь У-кун. — Побывав у себя дома, я снова стал походить на оборотня. А учитель побит чистоту и, боюсь, будет относиться ко мне с отвращением.

Чжу Ба-цзе поверил Сунь У-куну и не стал возражать. Сунь У-кун вмиг выкупался, и они на облаке отправились дальше на Запад. Вскоре они увидели золотую пагоду, излучающую сияние.

— А вот и жилище волшебника, — сказал Чжу Ба-цзе, указывая на пагоду. — Ша-сэн все еще там.

— Ну, вот что, — сказал Сунь У-кун. — Побудь в воздухе, а я спущусь вниз, посмотрю, что там происходит и подходящее ли это место для боя.

— Тебе незачем ходить туда, — сказал Чжу Ба-цзе, — духа нет дома.

— Я знаю, — сказал Сунь У-кун.

О, чудесный Царь обезьян! Он опустился на облаке у самой пещеры и здесь увидел двух мальчиков. Они играли, загоня мяч в лунки палками с изогнутым концом. Одному из них было чуть побольше десяти, а другому лет восемь-девять. Сунь У-кун ринулся к ним и, не спрашивая кто они такие, схватил за волосы и потащил за собой. Перепуганные ребяташки подняли крик и встревожили находившихся в пещере духов. Те бросились к принцессе и сообщили ей, что какой-то человек утащил мальчиков. Читатель, конечно, догадался, что это были дети принцессы и духа. Услышав это, принцесса поспешила выйти из пещеры и тут увидела Сунь У-куна, который стоял на высоком утесе, намереваясь бросить вниз ее детей.

— Эй, благородный муж, — истошным голосом закричала перепуганная принцесса. — Ведь мы не ссорились, и я не сделала вам ничего плохого, почему же вы утащили моих детей?! Учтите, отец у них грозный и, если вы причините им хоть какой-нибудь вред, вам не поздоровится.

— Вы, верно, не знаете кто я такой, — сказал Сунь У-кун. — Я старший ученик Танского монаха и зовут меня Сунь У-кун. У вас в пещере сейчас находится мой брат монах Ша-сэн. Если вы освободите его, я верну вам ваших детей. Думаю, что такой обмен будет выгоден для вас, ведь я дам двух за одного.

Принцесса тут же позвала духов-стражей, отправилась вместе с ними к Ша-сэну и освободила его.

— Принцесса, — сказал ей Ша-сэн, — вам не следовало освобождать меня. Ведь дух, возвратившись домой, хватится меня и весь свой гнев обрушит на вас.

— Почтенный отец, — отвечала ему принцесса, — вы — мой благодетель. Вы доставили мое письмо отцу и тем спасли мне жизнь. Я сама думала отпустить вас. Но к пещере неожиданно явился ваш старший брат Сунь У-кун и требует, чтобы я немедленно освободила вас.

Как только Ша-сэн услышал имя Сунь У-куна, ему показалось, что голову его смазали елеем, а в сердце проникла благословенная роса. Радость Ша-сэна вздымалась до небес, грудь его наполнилась ощущением весны, он так обрадовался, словно нашел золото или драгоценный нефрит. Схватив свое монашеское платье, он выбежал из пещеры и поклонами приветствовал Сунь У-куна.

— Дорогой брат, — воскликнул он, — тебя послало само небо. Умоляю, спаси меня!

— Ах ты глупый Ша-сэн! — смеясь сказал Сунь У-кун. — Вспомни, замолвил ли ты за меня хоть словечко, когда учитель читал псалом о сжатию обруча? Только губами шлепал. Без меня захотели охранять учителя. Почему же сейчас не продолжаете свой путь, а застряли здесь?

— Не говори так, дорогой брат. Ты ведь знаешь: «Благородный человек не помнит старых обид». Мы — полководцы разбитой армии и похвалиться нам нечем. Так что ты уж помоги мне, будь милостив.

— Ну, подымайся сюда, — сжалился над ним Сунь У-кун.

Ша-сэн подтянулся и, сделав прыжок, очутился на скале.

А Чжу Ба-цзе, находившийся в это время в воздухе, увидев вышедшего из пещеры Ша-сэна, спустился на своем облаке и обратился к Ша-сэнуну:

— Дорогой брат, — сказал он, — тебе много пришлось вытерпеть,

— О брат Чжу Ба-цзе! — увидев его, в свою очередь воскликнул Ша-сэн. — Откуда ты явился?

— Вчера, после того как мы потерпели поражение, — стал рассказывать Чжу Ба-цзе, — я ночью вернулся в город. Там я повстречал белого коня и узнал от него, что дух посредством колдовства превратил нашего учителя в тигра. Мы посоветовались и решили призвать на помощь старшего брата, с которым я и прибыл сюда.

— Ну, Дурень, хватит разглагольствовать, — прервал его Сунь У-кун. — Берите по одному из этих ребят, отправляйтесь в страну Баосянго и постарайтесь так раздражить духа, чтобы он примчался сюда. А уж когда он здесь появится, я разделаюсь с ним.

— Да как же мы это сделаем? — спросил Ша-сэн.

— А вот как. Вы оба отправляйтесь на облаке в город, — сказал Сунь У-кун, — остановитесь там перед залом, в котором император дает аудиенцию, а ребят бросьте вниз, так чтобы они упали прямо к трону. Вас, конечно, начнут спрашивать, что это за ребята, а вы скажете, что это сыновья духа и что вы сами принесли их сюда. Как только дух услышит это, он непременно вернется домой. Мне же не следует появляться в городе, ведь нам придется напускать тучи, туман, ветер. И если мы начнем бой над городом, это напугает всех жителей дворца и население.

— Дорогой брат, — сказал смеясь Чжу Ба-цзе. — А ты все же хочешь отыграться на нас.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Сунь У-кун.

— Ведь ребят поймал ты, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Они и сейчас перепуганы насмерть. Видишь, они уже охрипли от крика. А пройдет еще немного времени и они испустят дух. А если бросить их вниз, одно мокрое место останется. Волшебник, конечно, поспешит на выручку своих детенышей и

тут уж разделяется с нами. А ты выйдешь сухим из воды. Ведь против тебя улик не будет. Ну, не значит ли это, что ты хочешь отыграться на нас?

— Если он затеет с вами драку, — сказал на это Сунь У-кун, — вы постарайтесь завлечь его сюда. Здесь по крайней мере просторно. Вот тут-то я и вступлю с ним в бой.

— Совершенно правильно, — согласился Ша-сэн. — Наш брат говорит вполне справедливо. Итак, мы отправляемся.

И они, приняв грозный вид, двинулись в путь, захватив с собой детей. А Сунь У-кун соскочил со скалы и подошел к воротам пагоды.

— Эх ты, монах, — стала укорять его принцесса, — тебе, оказывается, верить нельзя. Ведь ты обещал отдать мне моих детей, как только я освобожу вашего монаха. Ну вот, ваш монах свободен, а детей моих ты почему-то не отдаешь... А сейчас ты еще зачем-то подошел к моим воротам.

— Не гневайтесь, принцесса, — отвечал улыбаясь Сунь У-кун. — Вы уже давно живете здесь, и сейчас мы взяли ваших детей, чтобы они навестили своего деда.

— Не будь столь бесцеремонным, — сказала принцесса. — Мой муж обладает необычайными способностями, и если ты напугаешь наших детей, то накличешь на себя его гнев.

— Дорогая принцесса, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Как вы думаете, какие поступки людей следует считать преступными?

— Я знаю какие, — отвечала принцесса

— Да что вы, женщины, можете знать? — возразил Сунь У-кун.

— Когда я жила во дворце, — сказала принцесса, — меня с малых лет обучали отец и мать. Помню, что в древних книгах говорится: «К пяти разделам уголовных наказаний относится три тысячи преступлений. И самым тяжким из них считается непочтение к родителям».

— Так вот, вы как раз и повинны в этом преступлении, — сказал Сунь У-кун. — Стихи гласят:

Дал отец мне жизнь,
Вскормила мать
И о них всегда
Мне думать больно.
Жизнь они
Смогли мне даровать,
Изнурясь в работе
Подневольной

Почитание родителей — источник всех дел и корень всякого добра. Как же вы могли соединить свою жизнь с жизнью духа и забыть о своих родителях? Разве не является это непочтением к родителям?

От этих справедливых упреков принцесса зарделась до ушей и, сгорая от стыда, растерянно произнесла:

— Вы совершенно правы, почтенный отец! Но разве я забыла родителей? Ведь дух похитил меня, и теперь я вынуждена подчиняться законам, которые установлены им. Ведь я и шага не могу сделать по собственной воле. А до родительского дома далеко и все это время не с кем было даже отправить весточку. Я хотела покончить с собой, но мысль о том, что родители никогда не узнают о постигшей меня судьбе и могут подумать, что я бежала от них, остановила меня. Выхода не было. Пришлось влечить жалкое существование. Невольно я превратилась в преступницу.

Излив душу, принцесса разрыдалась.

— Не отчаивайтесь так, принцесса, — стал утешать ее Сунь У-кун. — От Чжу Ба-цзе я узнал о том, что вы написали своим родителям письмо и спасли жизнь нашему учителю. Значит, вы не забыли отца и мать. Я пришел сюда, чтобы справиться с духом и помочь вам вернуться домой. Вы найдете себе другого мужа и будете ухаживать за своими родителями до конца их дней Каково ваше мнение?

— Ты очень добр, — сказала принцесса. — Но не ищи своей смерти. Вчера ТВОИ братья вступили в бой с моим супругом. Они дрались отважно и смело, но все же не смогли одолеть духа. А ты как тщедушен, совсем, как краб, кожа да кости. Как же ты осмелился сказать, что справишься с духом? Откуда у тебя такие способности?

— Вам не понять этого, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Разве можете вы распознать настоящего человека? Недаром говорит пословица: «Мал золотник, да дорог» С виду-то они действительно великаны, а что толку? В дороге им мешает ветер, на их одежду требуется много ткани. У них нет расчетливости. Сталкиваясь с опасностью, они робеют. В общем, зря они хлеб едят, пользы от них никакой. А вот я хоть и мал, зато как полновесный цзинь¹ полон необыкновенных нравственных качеств.

— Так вы действительно обладаете необыкновенными способностями?—недоверчиво спросила принцесса.

— О, вы еще не знаете, каким искусством я владею, — молвил Сунь У-кун. — Я могу усмирять духов и покорять волшебников.

— А вы не обманываете меня? — усомнилась принцесса.

— Что вы! — воскликнул Сунь У-кун.

— Каким же способом вы собираетесь усмирить духа? — спросила принцесса.

Не отвечая на вопрос, Сунь У-кун сказал:

— Вы вот что, скройтесь сейчас куда-нибудь подальше,

¹ Ц з и н ь — мера веса, равная примерно 596 граммам.

ваше присутствие будет стеснять меня. Только мне кажется, что вы очень любите своего супруга и не хотите с ним расстаться.

— Как вы можете говорить подобные вещи! — воскликнула принцесса.— Он ведь силой держал меня здесь. Что могла я сделать?

— Но вы прожили вместе тринадцать лет,— сказал Сунь У-кун,— неужели же вы не питаете к нему никаких чувств? Поймите, что я шутить не стану. Мы будем драться и дубинами и кулаками, и лишь, когда я одолею его, вы сможете возвратиться к своему отцу во дворец.

Принцесса послушалась и решила укрыться в отдаленном месте. Таким образом, Великому Мудрецу самой судьбой было предназначено положить конец совместной жизни принцессы и духа. Спрятав принцессу в надежном месте, Царь обезьян встряхнулся, принял вид принцессы и, вернувшись в пещеру, стал дожидаться духа.

Между тем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн прибыли в Баосянго и, достигнув дворца, бросили детей прямо к трону. От несчастных ребят осталось одно месиво: кровь брызнула фонтаном, и кости разлетелись на мелкие кусочки. Перепуганные насмерть придворные побежали доложить императору.

— Беда! Беда! — воскликнули они.— С неба прямо к трону упало двое ребят.

— Это дети духа по прозванию Желтый халат,— раздался сверху грозный голос Чжу Ба-цзе.— Мы с Ша-сэном привезли их сюда!

Между тем все еще пьяный дух находился в зале Серебряного спокойствия и никак не мог прийти в себя. Вдруг сквозь сон ему показалось, что кто-то называет его имя. Он перевернулся с боку на бок, поднял голову и увидел Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые, стоя на облаке, отчаянно бранились:

«То, что Чжу Ба-цзе здесь, меня не удивляет,— подумал дух.— Но Ша-сэн? Как очутился он здесь? Ведь я оставил его связанным у себя дома. Каким же образом ему удалось освободиться? Неужели это дело рук моей супруги? А дети как попали к ним? Все это натворил Чжу Ба-цзе, чтобы вызвать меня на бой. Если это так, то я должен драться с ними. Но, увы! Ведь я совсем пьян! Стоит ему разок ударить меня своими граблями и от моего величия не останется и следа. Тогда раскроется моя тайна! Отправлюсь-ка я лучше сейчас домой и узнаю, что с моими детьми. Ну, а с этими мальчишками поговорить еще успею».

О, чудесный дух! Не простившись даже с правителем страны, он вмиг очутился в своих владениях и пошел в пещеру разузнать что там творится. А тем временем всем стало известно, что появившийся во дворце гость — дух. Уцелевшие придворные дамы в пятую стражу явились к государю и доло-

жили о том, что дух съел одну из них, а также рассказали ему обо всем, что там происходило. То обстоятельство, что гость покинул дворец, ни с кем не простившись, еще больше убедило всех в том, что он дух. Не будем рассказывать, как государь приказал охранять превращенного в тигра Танского монаха.

Вернемся лучше к духу. Итак, он очутился у пещеры. Увидев духа, Сунь У-кун вмиг придумал хитроумный план, чтобы обмануть своего врага. Он тер глаза, плакал, топал ногами, бил себя в грудь. Пещера огласилась отчаянными воплями. Дух, ничего не подозревая, бросился к Сунь У-куну.

— Желушка,— воскликнул он, обнимая Сунь У-куна,— что случилось? Почему ты так убиваешься?

У Великого Мудреца была готова целая история. Изменив голос, плача и рыдая, он стал жаловаться:

— Господин мой! Недаром люди говорят: «Когда в доме не хватает мужчины, то нет хозяина для богатства жены; если у женщины нет мужа, жизнь ее лишена всякого смысла». Ведь ты вчера отправился ко двору знакомиться с моим отцом, почему же вернулся лишь сегодня? Утром Чжу Ба-цзе тайком освободил Ша-сэна и утащил наших детей. Я умоляла его, но он не пощадил меня. Он сказал, что хочет показать их дедушке. Но времени прошло уже очень много, а детей все нет, и я не знаю даже, живы ли они. А тут ты еще задержался, я была совершенно одна. Все это и привело меня в такое отчаяние.

Выслушав это, дух рассвирепел:

— Значит, там, во дворце, я видел моих детей!

— Конечно, — подтвердил Сунь У-кун. — Чжу Ба-цзе утащил их.

— Довольно, хватит! — в бешенстве заорал дух, мечась из стороны в сторону.— Он убил моих детей! Их нет больше в живых! Сейчас мне остается лишь отомстить за все и убить монаха. Не плачь, жена! Если ты плохо себя чувствуешь, походи отдохни и успокойся.

— Я-то здорова,— отвечал Сунь У-кун. — А вот мысль о судьбе наших детей причиняет мне нестерпимую боль.

— Не печалься,— стал утешать мнимую жену дух.— У меня есть одна драгоценная вещица: стоит потереть ею больное место, и все как рукой снимет. Но смотри будь осторожна, не нажимай ее пальцем, не то увидишь мой настоящий образ.

«Вот черт проклятый! — радуясь, подумал Сунь У-кун.— Вопреки ожиданиям он ведет себя вполне честно. Его никто не вынуждает силой, он сам во всем признается и приносит себя в жертву. Ладно, пусть покажет свою драгоценность, я нажму на нее и посмотрю, какой вид примет это чудовище».

И вот дух, поддерживая Сунь У-куна, прошел с ним в потайное место пещеры и вытащил у себя изо рта заветный шарик. Этот шарик был величиной с куриное яйцо и пред-

ставлял собой пилюлю, образованную из сожженных костей Сакья-муни и очищающую сердце человека.

«Чудесная вещьца! — с удовлетворением подумал Сунь У-кун.— А сколько труда на нее потрачено, сколько лет ее плавил и шлифовали, сколько было неудач, прежде чем получили такую чудодейственную вещь? Видно, суждено ей попасть ко мне в руки».

Сунь У-кун взял шарик и притворился, что трет им большое место, а сам в это время надавил на него пальцем. Дух растерялся и бросился отнимать у него. Что же, вы думаете, обезьяна испугалась? Ничуть. Поспешно засунув шарик в рот, она тут же проглотила его. Дух в бешенстве сжал кулаки и набросился на Сунь У-куна. Защищаясь, Сунь У-кун в тоже время потерял себе лицо и принял свой настоящий вид.

— Ну что ты за невежда,— сказал он духу.— Посмотри хорошенько и скажи, узнаешь ли ты меня?

Ха! — изумился дух.— Что за странный вид у тебя, жена?

— Я тебе покажу, мерзкая тварь,— зло сказал Сунь У-кун.— Какая я тебе жена. Что ж ты предка своего не признаешь?

— Как будто начинаю припоминать,— отвечал дух.

— Пока что я драться с тобой не буду, взгляни на меня хорошенько и скажи, узнаешь ли ты меня,— сказал Сунь У-кун.

— Лицо твое мне очень знакомо, вот только не могу припомнить, как тебя зовут. Кто же ты такой и откуда прибыл? Куда девал мою жену, и как удалось тебе попасть в мой дом и выманить у меня мое сокровище? Ведь это наглость!

— Значит, не можешь узнать меня? — снова спросил Сунь У-кун.— Я старший ученик Танского монаха — Сунь У-кун. Пятьсот лет тому назад я уже был твоим предком.

— Что за вздор ты мелешь? — воскликнул дух.— Не может этого быть. Когда я схватил Танского монаха, у него было всего два ученика — Чжу Ба-цзеи Ша-сэн. А твоего имени никто и не упоминал. Ты просто оборотень и явился неизвестно откуда, чтобы обмануть меня!

— Да, в то время я действительно не был вместе с ними,— сказал Сунь У-кун.— И случилось это потому, что учитель — человек добрый и сострадательный, не мог примириться с тем, что я погубил множество духов и оборотней, и прогнал меня. Поэтому-то ты и не знаешь, как зовут твоего предка.

— В тебе нет никакого чувства достоинства, свойственного великим мужам! — воскликнул дух.— Учитель тебя гонит, а ты с наглой физиономией лезешь к нему.

— Смотри у меня, негодяй,— крикнул Сунь У-кун.— Разве ты не знаешь пословицы: «Кто хоть один день был моим учителем, тот всю жизнь будет моим отцом», или еще: «Между отцом и сыном не бывает вражды, которая бы длилась более

одной ночи». Ведь ты причинил вред моему учителю, как же я могу не прийти ему на помощь? И не только ему ты причинил зло. А что ты обо мне говорил? Ты порочил мое доброе имя!

— Когда это я порочил твое имя? — удивился дух.

— Мне сказал об этом Чжу Ба-цзе, — отвечал Сунь У-кун.

— Не верь ему. У этого Чжу Ба-цзе морда острая, а язык как у старой бабы.

— Ну ладно, хватит попусту разговаривать, — произнес Сунь У-кун. — Скажи лучше, почему ты так плохо принимаешь гостя, прибывшего издалека. Если у тебя нет ни вина, ни закусок, подставь тогда свою голову — я стукну по ней посохом. Пусть хоть это будет вместо чая!

Услышав угрозы Сунь У-куна, дух громко расхохотался.

— Послушай, на этот раз ты промахнулся, — сказал он. — Я знаю, тебе хочется подражаться, но ко мне лучше не суйся! В моем распоряжении более сотни оборотней, и, будь у тебя хоть сто рук, тебе все равно не выбраться отсюда!

— Ну, хватит болтать глупости, — перебил его Сунь У-кун. — Да будь у тебя хоть тысячи, даже десятки тысяч подчиненных, я их всех перебью. Ни один удар у меня не пропадет даром. Так что знайте, от вас здесь и следа не останется.

Услышав это, дух кликнул клич и в тот же миг со всех сторон — с горы, из-под горы, из пещеры, из-за пещеры — причкались духи и выстроились перед своим начальником. У каждого из них в руках было оружие. Они крепко-накрепко заперли все четверо ворот, чтобы Сунь У-кун не мог убежать.

Сунь У-кун с удовольствием смотрел на все эти приготовления и, держа посох наготове, крикнул:

— Изменись!

Тотчас же он превратился в существо с тремя головами и шестью руками, затем помахал своим посохом, и у него вместо одного оказалось три посоха. Размахивая ими, он легко прокладывал себе путь. Казалось, будто тигр ворвался в овечьё стадо или же сокол влетел в курятник. Головы несчастных духов разлетались на части, из тел их летели клочья. Кровь текла рекой. А Сунь У-кун продвигался вперед совершенно свободно, будто перед ним никого не было. В конце концов остался один Желтый халат. Он бросился за Сунь У-куном, и, нагнав его у ворот, крикнул:

— Ах ты мерзкая обезьяна! Да ты настоящий разбойник! Как смел ты явиться сюда и так подло оскорблять всех?!

Сунь У-кун стал манить его рукой.

— Иди! Иди сюда! Вот когда я тебя одолею, тогда можно будет говорить о каких-то моих заслугах!

Тут дух взмахнул своим мечом и, нацелившись прямо в голову Сунь У-куну, нанес ему удар. Но Сунь У-кун смело ринулся навстречу противнику. И вот на горе, среди туч и тумана, разыгрался бой.

Владел Мудрец Великий силой чар,
Колдун имел такой же чудный дар:
Мудрец легко удары отражал,
Когда свой посох поперек держал.

Колдун же наискось мечом стальным
Размахивал над недругом своим
Был грозен блеск взлетавшего меча,
Бросался посох в небо сгорая

Бойцы отходят, вновь бегут вперед...
Один другому место отдает,
Один внезапно свой меняет лик,
Другой же телом вырастает вмиг;

Тот огненный выкатывает глаз
И силу обезьянью напоказ
Являет в мощных жилистых руках,
Другой же — злобой вызывает страх:

То тигровую спину хищно гнет,
То глазом золотым во тьме блеснет;
По правилам они свой бой ведут
И нападения очередь блюдут.

Трактатом «Сань-люе»* руководясь,
С врагом боролся обезьяний князь,
А колдуна трактат «Лю-тао»* пленял,
И правила его он применял

Один противник — демонов слуга,
Другому — честь монаха дорога.
Рассвирепел владыка обезьян,
Колдун бросался, гневом обуян

Они сражались насмерть в облаках
Лишь для того, чтобы святой монах
Вперед на Запад продолжал идти
И мог моленье Будде вознести.

Уже раз шестьдесят схватывались противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

«А меч у этого негодяя хорош, может даже поспорить с моим посохом, — восхищенно подумал Сунь У-кун. — Сейчас попытаюсь надуть его. Посмотрим, попадет ли он на мою удочку».

О, прекрасный Царь обезьян! Он поднял обеими руками посох и применил прием «лазутчика на высоте». Дух, ничего не подозревая, стал размахивать мечом во все стороны. В этот момент Сунь У-кун быстро повернулся и занял положение «все спокойно», избежав удара. А затем, снова применив прием «кража персиков под листьями», нацелился в голову духа и нанес ему такой удар, что от того и следа не осталось. Опустив посох, Сунь У-кун огляделся, но духа обнаружить не мог. Это привело его в смятение.

— Сынок мой! — воскликнул он. — Видишь, что я наделал! От тебя и следа не осталось. Если я убил тебя, то должна хоть кровь остаться. Почему же нет никаких следов? Уж не сбежал ли ты?

Подумав это, Сунь У-кун прыгнул на облако, осмотрелся кругом, но нигде ничего не увидел.

«Да ведь я все вижу, — подумал Сунь У-кун. — Как же это дух сумел скрыться от моих глаз... Понял! — решил наконец Сунь У-кун, — дух говорил, что знает меня и, кроме того, существо он неземное. Он дух, сошедший с неба».

При этой мысли Великий Мудрец пришел в ярость, схватил свой посох, сделал гигантский прыжок и сразу же очутился у Южных небесных ворот. Небесные стражники: Лю, Лун, Гоу, Би, Чжан, Бао, Дэн, Син и остальные, задрожали от страха при его появлении, выстроились двумя рядами и низко склонились. Таким образом Сунь У-кун беспрепятственно прошел прямо к дворцу Космического света, где повстречал четырех небесных наставников: Чжана, Хэ, Сюя и Цю.

— Что привело вас сюда, Великий Мудрец? — спросили они Сунь У-куна, приветствуя его.

— Мы вместе с Танским монахом прибыли в страну Баосянго и там встретили духа, — отвечал Сунь У-кун. — Этот дух похитил принцессу и совершил покушение на моего учителя. Пришлось мне вступить с ним в бой, но оборотень неожиданно исчез. Я думаю, что дух — существо неземное. Вот я и решил узнать, не исчез ли один из ваших духов.

Вслушав Сунь У-куна, небесные наставники пригласили его в зал Священного небосвода и здесь доложили о случившемся Нефритовому императору. Император разрешил произвести проверку. Они побывали во дворце девяти светил, двенадцати созвездий, созвездий пяти стран света, осмотрели Млечный Путь, звезды пяти гор и четырех рек, проверили на месте ли все небожители. Оказалось, что никто не покидал неба. Затем они проверили духов звезд, расположенных за Южной Медведицей, но когда стали проверять духов двадцати восьми созвездий, то оказалось, что их осталось только двадцать семь, не хватало духа созвездия Андромеды. Тогда небесные наставники доложили Нефритовому императору о том, что дух созвездия Андромеды спустился на землю.

— И давно он покинул небо? — спросил Нефритовый император.

— Он отсутствовал на четырех перекличках. Если считать, что каждая перекличка производится раз в три дня, то прошло ровно тринадцать дней.

— Тринадцать дней на небе равны тринадцати годам на земле, — промолвил Нефритовый император. — Таким образом он находится там уже тринадцать лет.

Он тут же отдал приказ вернуть исчезнувшего духа на небо.

Повинуясь приказу, двадцать семь духов вышли из небесных ворот и начали читать заклинания. Это встревожило духа созвездия Андромеды. Кстати, следует сказать вам о том, что когда-то, учинив бунт на небе, Великий Мудрец побил многих полководцев и в том числе этого духа. И вот сейчас, спасаясь от беды, дух скрылся в водах горного потока. Водяные пары скрыли облако, на котором находился Сунь У-кун, и потому он не мог увидеть духа. Услышав, что духи двадцати восьми созвездий читают заклинания, дух выглянул и вместе с ними поднялся на небо. Здесь путь ему преградил Великий Мудрец, который хотел вступить с ним в бой. Но духи уговорили Сунь У-куна оставить его в покое и под стражей привели к престолу Нефритового императора. Здесь провинившийся дух вынул табличку и, низко склонившись, приготовился выслушать приговор за содеянное им преступление.

— Дух созвездия Андромеды, — промолвил император, — ведь на небе так много чудесных мест! Почему же ты решил тайком бежать на землю?

Склонившись перед императором, дух созвездия Андромеды почтительно отвечал:

— Ваше величество! Смилуйтесь надо мной. Вы должны знать, что принцесса — дочь правителя страны Баосянго — была в свое время прислужницей в храме возжигания фимиама. Она согласилась стать моей женой. Но я опасался, что, вступив в связь, мы оскверним небесные чертоги. Тогда, помышляя о мирском, она решила сойти на землю и там перевоплотилась в новорожденную принцессу. Я же принял вид духа, поселился на горе и, похитив принцессу, прожил с ней тринадцать лет. Ведь каждый кусок пищи и каждый глоток воды предопределены заранее. Но вот сейчас в мои владения явился Великий Мудрец и в бою со мной одержал победу.

Выслушав духа созвездия Андромеды, Нефритовый император принял от него золотую табличку и отправил его во дворец Тушита прислуживать великому Лао-цзюню: разводить огонь, носить посох и выполнять различные поручения. При этом император предупредил его, что если он будет работать хорошо, то займет свое прежнее место, в противном случае его подвергнут суровому наказанию.

Распоряжение Нефритового императора доставило Сунь У-куну огромное удовольствие, он не утерпел, громким голосом приветствовал императора, а затем обратился к выстроившимся в ряд небожителям:

— Господа, я ухожу!

— А эта обезьяна так и осталась неотесанной, — смеясь говорили между собой небесные наставники. — Ей помогли усмирить духа, а она даже не поблагодарила за оказанную ей милость и ограничилась лишь приветствием.

— Спасибо, что она хоть бед не натворила, — сказал император, — и не нарушила спокойствия и благополучия на небесах.

Между тем Великий Мудрец спустился на облаке к пещере Лунного света на горе Ваньцзышань, разыскал там принцессу и стал рассказывать ей о том, что говорил дух, как он, охваченный земными страстями, устремился с небес на землю. Вдруг сверху донеслись отчаянные крики Чжу Ба-цзе и Ша-сэна:

— Дорогой брат! — кричали они. — Оставь нам хоть нескольких духов, мы добьем их!

— Да от этих духов и помину не осталось, — крикнул в ответ Сунь У-кун.

— В таком случае, — сказал Ша-сэн, — теперь нам ничто не мешает доставить принцессу во дворец. Ну, братья, нечего зря время терять. Давайте применим способ «сокращения расстояния».

Тут в ушах у принцессы засвистел ветер, и через какое-нибудь мгновение она вместе со своими спутниками очутилась во дворце. Они все втроем провели принцессу в зал Золотых колокольчиков. Там она поклонилась родителям, поздоровалась с сестрами, после чего ее приветствовали придворные. Затем принцесса обратилась к отцу:

— Сунь У-кун благодаря своей магической силе покорил духа по прозвищу Желтый халат. Он выручил меня, помог мне вернуться домой.

— Что же это за дух по прозвищу Желтый халат? — поинтересовался император.

— Ваш зять, — отвечал Сунь У-кун, — дух созвездия Андромеды, а дочь — фея — служительница храма возжиганий фимиама. Однажды, охваченная земными помыслами, эта фея задумала сойти на землю к людям и принять человеческий образ. В том, что случилось, нет ничего особенного, так как все это записано в книге судеб, и свадьба вашей дочери с волшебником тоже была предопределена судьбой. Я отправился на небо и доложил о духе Нефритовому императору. После выяснения оказалось, что этот дух не был уже на четырех проверках и вот уже тринадцать дней, как покинул небо, а тринадцать дней на небе, как известно, равняются тринадцати годам на земле. Тогда император приказал духам двадцати восьми созвездий вернуть беглеца на небо и отправил его прислуживать во дворец Тушита. Я же спас таким образом вашу дочь и прибыл сюда.

Вслушав Сунь У-куна, государь поблагодарил его за оказанное им великое благодеяние и приказал привести Трипитаку. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн вместе с чиновниками отправились во внутреннее помещение дворца. Там они вытащили железную клетку с тигром и освободили его от прово-

локи, которой он был окутан. Однако надо сказать, что Сунь У-кун, в отличие от всех остальных, видел перед собой не тигра, а человека. Дело в том, что Трипитака хоть и находился под действием чар духа, мог действовать, двигаться, все понимал, только был лишен рта и глаз.

— Учитель, — смеясь сказал Сунь У-кун, — ведь вы честный, порядочный монах, как же это вы приняли такой зловещий вид? Вы ругали меня за то, что я совершал злодеяния, даже прогнали меня. Все ваши помыслы и стремления были направлены к добру, как же после этого вы могли очутиться в столь ужасном виде?

— Послушай, брат, — сказал тут Чжу Ба-цзе. — Зачем насмехаться над учителем? Лучше помоги ему.

— А ты вот любишь подстрекать других, — отвечал на это Сунь У-кун, — и потому считаешься примерным и покладистым учеником. Но спасти учителя ты все же не смог, — пришлось позвать меня. Помнишь, мы договорились с тобой, что как только я расправляюсь с духом и отомщу ему за то, что он оскорблял меня, я тут же возвращусь к себе домой.

Тут к Сунь У-куну подошел Ша-сэн и, опустившись перед ним на колени, сказал:

— Дорогой брат! Еще в древности говорили: «Не смотри на монаха, а смотри на Будду». Раз уж ты, брат, пришел сюда, помоги нашему учителю, умоляем тебя. Если бы мы могли обойтись без твоей помощи, то не стали бы беспокоить тебя: ведь ты проделал такой длинный путь.

— Да разве мог я оставаться спокойным, если бы не спас учителя?! — воскликнул Сунь У-кун, помогая Ша-сэну встать. — Принесите поскорее воды, — приказал он.

Тут Чжу Ба-цзе стрелой ринулся в гостиницу, схватил вещи, коня, зачерпнул в золотую чашку для подаяний немного воды и, вернувшись, передал ее Сунь У-куну. Сунь У-кун произнес над чашкой заклинание, набрал в рот воды и прыснул на голову тигра. В тот же миг чары рассеялись, и Трипитака, освободившись от оболочки тигра, предстал в своем обычном виде. Только сейчас, внимательно приглядевшись, он узнал Сунь У-куна.

— Как ты очутился здесь? — воскликнул Трипитака, схватив Сунь У-куна за руку.

Тогда Ша-сэн подробно рассказал Трипитаке о том, как они просиди Сунь У-куна помочь им победить духа, спасти принцессу и снять с учителя волшебные чары.

— Мой мудрый ученик, — сказал тогда Трипитака, — лишь благодаря тебе жизнь моя спасена! Теперь, когда мы, побывав на Западе, вернемся в Китай, я доложу Танскому императору о том, что тебе принадлежит главная заслуга в этом деле.

— Не стоит, не стоит говорить об этом, — отвечал смеясь Сунь У-кун. — Вы лучше не читайте больше вашего

псалма, это будет для меня вполне достаточным вознаграждением.

После этого правитель страны сердечно поблагодарил Трипитаку и его учеников и устроил в честь их роскошный пир. По этому случаю был открыт Восточный зал. Когда пир закончился, паломники поблагодарили государя за оказанный им милостивый прием и тронулись в дальнейший путь на Запад. Государь со своей свитой далеко провожал их. Поистине можно сказать:

Государь домой вернулся,
Успокоилась столица,
А монах пошел на Запад,
Чтобы Будде поклониться.

Однако о том, что происходило в дальнейшем и когда паломники прибыли в Индию, вы прочтете в следующих главах.

